

РАЗУМ И ДУХОВНОСТЬ

Философ Ильхам Мамедзаде делится своими мыслями о человеке в эпоху искусственного интеллекта

В эпоху стремительной цифровой трансформации философские вопросы приобретают новое звучание. Что происходит с человеческим разумом? Когда мышление начинает разделять ценности, пространство с алгоритмами?

Может ли искусственный интеллект стать носителем духовности, или он лишь отражает наш разум, лишённый самосознания, человеческой глубины? Об этих и ряде других фундаментальных вопросах рассуждает один из ведущих представителей философской науки Азербайджана директор Института философии и социологии НАНА доктор философских наук, профессор Ильхам Мамедзаде, для которого проблематика взаимодействия человека, технологий и духовности выступает ключом к осмыслению значения, сущности и направлений развития человеческой цивилизации в XXI веке.

- Если рациональность в кантовском смысле определяется как нормативное основание морали и свободы, то может ли искусственный интеллект, лишённый трансцендентальности, обрести свою форму рациональности? Или он навсегда останется лишь имитацией части человеческого мышления?

- Вопрос интересный, и могу сказать, что ответ на него у всех весьма приблизительный. Я думаю, рациональность - это более поздний этап или вариант человеческой свободы и социальности. Вначале, наверное, вопрос стоял о выживании человека. И выживающие, видимо, обладали определенной долей рациональности - может, долей альтруизма или какого-то особого отношения к ближнему, к роду, семье и так далее. Видимо, с этого и начинается рациональность, нравственность и свобода. По моему мнению, вот эти три момента у Канта так или иначе сопряжены и определили человеческую нравственную природу.

Повторит ли этот путь искусственный интеллект или нет - вопрос неоднозначный. Я считаю, по крайней мере, в данный момент, что мысли, мнения автора, ученого могут меняться в соответствии с какими-то данными, которые он получает. Вот сейчас мое мнение таково: искусственный интеллект, несомненно, это другой стиль мышления, созданный человеком, его способностью думать, считать, понимать.

У человека есть этот выбор, однако не всегда все определяется так, как бы нам хотелось, математикой и физикой, - при всей их важности. А вот, например, у искусственного интеллекта в основе лежат его вычислительные способности. Он становится все сложнее, все быстрее он считает. Можно ли, считая, добиться независимости и свободы? Пока я в этом не уверен, но могу предположить, что в дальнейшем может произойти многое из того, что мы пока не знаем.

Есть мнение (с которым я, возможно, не согласен), что человек - это тоже эксперимент, занесенный Вселенной, природой, а может быть, каким-то высшим разумом. То есть, возможно, это очередной эксперимент - теперь уже человека над самим собой. Скорее всего, ИИ достаточно долго будет имитацией человеческого мышления. А как вот будет дальше? Вот тогда возникает вопрос, что такое долго? Сколь долго? В любом случае, я считаю очень правильным, что Азербайджан ориентируется на развитие суперинтеллекта, искусственного интеллекта, и, в общем, развивает эту сферу.

Мы знаем, что Президент страны принял несколько указов и распоряжений, и Академия наук этому вопросу уделяет особое внимание, создаются отделы в институтах академии, проводятся конференции, публикуются книги и статьи. И это очень важно.

- Вы говорите о техногуманизме как о попытке сохранить человеческое измерение в условиях цифровой трансформа-

ции. Возможно ли, что искусственный интеллект, выходя за рамки инструментальности, сам станет новым субъектом гуманизма, или это будет уже постгуманизм?

- Философы, да и другие учёные, которые обращаются к вопросам общественным, индивидуальным, человеческим, любят использовать такие слова как постгуманизм, цифровой гуманизм, техногуманизм. По большому счёту, можно, конечно, можно использовать, однако я не очень увлекаюсь этими словами. У нас есть некоторые авторы в институте, которые любят говорить о техно-инструментальном гуманизме. На самом деле, вопрос о человеке (гуманизм - это вопрос о человеке) - это фундаментальный вопрос философии. Время меняется, и может настать такое время, когда мы настолько срастемся с техникой, что наш гуманизм можно будет назвать техногуманизмом.

Но, по большому счёту, как бы мы ни срослись с компьютерами, в нас всегда будет искра человеческая, искра духовности, т.е. гуманизма. Мы всегда будем людьми. Если даже нам все органы заменят на искусственные, всё равно у нас останутся мозг и сознание. И наш выбор, наряду с тем, что он будет техническим, технологическим, всё равно будет человеческим. И, не дай Бог, если технологии подавят в нас способность сопереживать, быть человеческими, то есть, по большому счёту, я боюсь не искусственного интеллекта, а скорее человека, наделённого с помощью искусственного интеллекта такой силой, в которой нравственность, доброта потеряют своё значение.

Уже сейчас мы иногда видим людей, которые как бы настолько перестали быть людьми добрыми, выбирающими добро, выбирающими, а не поступающими изначально только для себя, видя только свои интересы, свой эгоизм. Я думаю, таких эгоистов становится всё больше и больше. И бояться надо не техногуманизма или цифрового гуманизма, а то, что их становится всё больше и больше. Вы знаете, наши дети всё больше играют компьютером. Но дело же не в компьютере. Они зациклены только на себе. Мама, папа, бабушка, дедушка - все на них работают, а они видят только самих себя. Это очень страшно. Я так понимаю, что речь идёт об эгоизме, суперэгоизме, которого становится много в современном мире. Вот это страшно. Отсюда возникает вопрос: "Как быть?". Ну, наверное, надо стараться будить в человеке такие качества, как доброта, сопереживание, способность видеть прекрасное и т.д. В принципе, компьютер не противоречит этому. Если компьютер меняет нас, вина в нас самих, в нашей неспособности использовать, понимать и применять.

Но я все-таки уверен, что искусственный интеллект не скоро станет субъектом гуманизма, а вот мы можем и должны задуматься о настоящем и будущем.

- Если в философии всегда существовало напряжение между сущностью и феноменом, то каким образом искусственный интеллект меняет это различие: стано-

вится ли он "новой сущностью", формирующей феномены человеческого опыта, или лишь усиливает иллюзорность феноменального мира?

- Это непростой вопрос. Есть вопрос сущности и существования. А как понять их? Что есть в человеке то, что передаётся всё время, и то, что меняется? Различные философские школы их по-разному оценивают. Но как в столкновении того, что в человеке есть как его сущность, и того, что в нём меняется, понять, в чём заключается его феномен? Можно об этом писать очень много работ и западная философия XX века всё время с этим сталкивалась. И, кстати, использовала западная философия XX века и математика, чтобы понять феномен человека. Математика (Курт Гёдель) помогала что-то понять в отдельных философских вопросах. И долгое время стралясь приблизить её к науке, но не думаю, что её достаточно для этого. Философия помогла математике не меньше. Многие из математиков были философами. Данная проблематика обладает чрезвычайной глубиной и многоаспектностью, о чём свидетельствует обширный корпус исследований, посвящённых ей.

Сегодня большинство из нас, азербайджанцев, сосредоточено прежде всего на своих детях, внуках, на семье в целом. Разумеется, существуют и другие значимые задачи. Однако, несмотря на их важность, едва ли можно назвать более серьёзной проблемой, чем утрата взаимопонимания между родителями и детьми, а, следовательно, и связи с собственным будущим. Феноменальность существования человека задаётся в семье. А вот если семья сталкивается с ментальными проблемами, тогда нас ожидают сложные времена. И с этим мы сталкиваемся - кто-то раньше, кто-то позже, но это очень серьёзный вопрос. И о нём надо не только думать, но и предпринимать определённые меры.

Тут, конечно, есть онтология, как мы понимаем действительность, в которую мы погружены. Мы должны понять свою реальность, в которой существуем. А насчёт иллюзорности феноменального мира. Иллюзии - это часть нашего существования. Человек создаёт иллюзорные миры, расширяет и дополняет свою реальность. Его реальность тоже иллюзорна. Но дело не в иллюзорности его реальности, а в том, насколько и как она оторвана от того, что есть действительность под личиной. Безусловно, здесь затрагивается вопрос онтологии - того, каким образом человек осмысляет действительность, в которой он погружён. Философия стремится к пониманию собственной реальности, в границах которой существует. При этом проблема семьи выступает как ключевой элемент данного осмысления, поскольку именно через её призму формируется наше дальнейшее понимание бытия.

Следует отметить, что для Азербайджана, где семейные ценности традиционно занимают определяющее место в системе общественных ориентиров, вопрос семьи имеет особое значение. Что касается иллюзорности феноменального мира, необходимо подчеркнуть, что иллюзия является неотъемлемой частью человеческого существования. Человек конструирует иллюзорные миры, и в этом смысле его собственная реальность также носит иллюзорный характер. Однако суть проблемы заключается не столько в самой иллюзорности человеческого восприятия, сколько в степени отрыва от подлинной действительности. Именно этот разрыв сегодня становится одной из наиболее существенных проблем: наша субъективная иллюзорность и способы её интерпретации зачастую вне научного осмысления.

Алида ЗЕЙНАЛОВА,
научный сотрудник ИФС НАНА